

Carricaburo N. El Tango y el bolero en la configuración discursiva de Boquitas Pintadas, de Manuel Puig: análisis de dos monólogos interiores // Revista Internacional De Lingüística Iberoamericana, vol. 6, no. 2 (12), 2008. P. 7–20. URL: www.jstor.org/stable/41678348 (дата обращения: 24.02.23).

Corbatta J. Encuentros con Manuel Puig // Revista Iberoamericana. 1983. P. 591–620.

Pinet C. Tangoing the text: Manuel Puig's Boquitas pintadas // Hispanofila, 2003. P. 95–110.

Puig M. Boquitas Pintadas. AGEA.S.A., 2000. 107 p. URL: <http://biblio3.url.edu.gt/Libros/16/boquitas.pdf> (дата обращения: 24.09.19).

TANGO IN M. PUIG'S NOVEL «HEARTBREAK TANGO»

Anastasia P. Chagina

Candidate of Philology, Associate Professor of Linguistics and Translation Department

Perm State University

614068, Russia, Perm, Bukirev str., 15.

liolio@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9654-9318>

Submitted 06.03.2023

The article discusses the role of tango in the novel «Heartbreak Tango» by the Argentinean writer M. Puig. The purpose of the study is to determine how tango manifests itself in the text of the novel and what role it plays in its plot and artistic system. It was revealed that all three elements of tango (music, dance and text) are present in the novel. The significance of the epigraphs is emphasized because the citation of well-known tangos and boleros allows not only to establish intratextual connections, but also brings the author's point of view into the work. It is concluded that the tango, penetrating the text of the work, reveals the inner world of the characters and the author's intention.

Key words: Puig, tango, bolero, Argentinean literature, intermediality.

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Чагина А.П. Танго в романе М. Пуига «Крашенные губки» // Мировая литература в контексте культуры. 2023. № 16 (22). С. 46–54. doi 10.17072/2304-909X-2023-16-49-54

Please cite this article in English as:

Chagina A.P. Tango v romane M. Puiga «Krashenye губki» [Tango in M. Puig's Novel "Heartbreak Tango"]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2023, issue 16 (22), pp. 49–54. doi 10.17072/2304-909X-2023-16-49-54.

Раздел 2. Проблемы рецепции и интерпретации
в мировой литературе и культуре

УДК 821.161.1.09

doi 10.17072/2304-909X-2023-16-55-62

АМЕРИКА В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ А. П. ЧЕХОВА

Виктория Сергеевна Абрамова

к. филол. н, доцент кафедры английского языка
и межкультурной коммуникации

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
abramovavictoria@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8535-2827>

Статья поступила в редакцию: 16.05.2023

В статье рассматриваются американские мотивы и образы, представляющие собой единую концептосферу в составе художественного мира прозы А. П. Чехова. Отсутствие практического опыта постижения Америки и одновременно обогащение американскими отсылками изображенного в текстах русского мира изучаются в контексте моделирования мира писателем. Выделяются основные типы репрезентации Америки. Сравнительный анализ контекстов, в которых упоминается Америка в рассказах и повестях А. П. Чехова, не только позволяет раскрыть сознание воспринимающего персонажа, но и помогает продемонстрировать безочечное отношение автора к этническим стереотипам.

Ключевые слова: проза А. П. Чехова, этностереотип, оппозиция «русское/иностранное», оппозиция «Россия/заграница», Америка.

Во многих прозаических произведениях А. П. Чехова часто встречаются образы иностранных государств, таких, как Германия, Италия, Франция, а в ряде рассказов и повестей представлен образ Америки. Исследователи А. А. Арустамова и Б. В. Кондаков в своей статье «Константа “Америка” в русской литературе XIX века», анализируя семантические границы константы «Америка» и способы ее воплощения в русской литературе XIX в. на широком материале художественной и художественно-публицистической литературы, отмечают: «Диалог с США на протяжении XVIII – XX вв. являлся важной частью русской культуры; в процессе этого диалога

формировалось национальное самосознание, анализировались перспективы исторического развития России. Авторы произведений, в которых воплощалась тема Америки, затрагивали многие общечеловеческие проблемы и отвечали на ключевые вопросы времени. Получая информацию об американской жизни, русский читатель имел возможность сопоставить социально-политические институты США и России, в том числе институты невольничества и крепостного права, что способствовало развитию русской общественной мысли. Русское самосознание в одних ситуациях притягивалось к Америке, в других – отталкивалось от неё. Для одних Америка оказывалась образцом для подражания, идеалом, чем-то вроде рая на земле и указывала направление, по которому должна развиваться Россия. Для других Америка была “проклятым местом” (аналогом ада) и определяла вектор направления, в котором России развиваться не нужно» [Арустамова, Кондаков 2010: 111–112].

Существует немало научных трудов, посвященных анализу специфики репрезентации иностранной культуры и исследованию этностереотипов в творчестве писателя (см., например, работы: [Буглак 2014; Желтова 2011; Крюкова 2009; Abramova 2018; Zhdanov 2021]). Однако вопрос об особенностях представления Америки в произведениях А. П. Чехова, хотя и был обозначен, до настоящего времени не получил должного научного освещения. В данном контексте стоит отметить работы А. А. Арустамовой и А. В. Кубасова (см., например, статьи: [Арустамова 2009; Кубасов 2005]).

На основе историко-литературоведческого и теоретико-методологического анализа рассказов и повестей писателя определим характерные черты репрезентации Америки в художественном сознании автора и героев. Нам представляется, что упоминания Чехова об Америке и американцах в произведениях можно условно разделить на пять типов. Важно отметить, что, когда автор и герои говорят об Америке, они имеют в виду именно Соединенные Штаты Америки.

Во-первых, Америка является реальным географическим пространством, которое встречается в произведениях писателя. Герои переезжают в эту страну, стремясь найти лучшие условия для жизни или обрести свободу. Однако образ Америки, который создает писатель, зависит от восприятия героя, и описание этой страны ограничено лишь несколькими штрихами. Приведем пример из повести «*Три года*» (1895): «Он обнял Сашу и Лиду, которые повисли ему на шею, и сказал: Кланяется дедушка... дядя Федя скоро умрет, дядя Костя прислал письмо *из Америки* и велит вам кланяться. Он соскучился на выставке и скоро вернется. А дядя Алеша хочет есть»¹

(т. 9, с. 91; выделено мной. – В.А.). Героиня повести *«Моя жизнь»* (1896) Маша Должикова после расставания с Мисаилом Полозневым уезжает в столицу, а оттуда в Америку: «Милый, хороший М. А., – писала она, – добрый, кроткий “ангел вы наш”, как называет вас старый маляр, прощайте, я уезжаю с отцом *в Америку* на выставку. Через несколько дней я *увиджу океан — так далеко от Дубечни, страшно подумать!* Это далеко и необъятно, как небо, и мне хочется туда, на волю, я торжествую, я безумствую, и вы видите, как нескладно мое письмо. Милый, добрый, дайте мне *свободу*, скорее порвите нить, которая еще держится, связывая меня и вас. <...> Итак, вольная на все четыре стороны? Да? Будьте счастливы, да благословит вас бог, простите меня, грешную» (т. 9, с. 271; выделено мной. – В.А.). Становится понятным, что героиня сблизилась с Мисаилом, стремясь сбегать из-под надоедливой опеки отца.

Во-вторых, в отдельных произведениях писателя Америка символизирует далекую страну. В разговорах персонажей она упоминается как абстрактное понятие, которое не составляет какой-либо альтернативы России или любой другой стране. Посмотрим на пример из рассказа *«Пустой случай»* (1886), в центре сюжета которого охота на рябчиков рассказчика и его знакомого князька в Шабельском бору. В лесу герои столкнулись с незнакомцем, конторщиком Гронтовским, который шел с грибами. Он сообщил встречным, что на этой территории охота запрещена владельцем леса, Надеждой Львовной, и добавил: «– Что делать! – вздохнул Гронтовский. – Если бы вы изволили проехать не пятнадцать, а сто тысяч верст, если бы даже *король приехал сюда из Америки* или *из другой какой-нибудь далекой страны*, то и тогда бы я счел за долг... священную, так сказать, обязанность...» (т. 5, с. 301; выделено мной. – В.А.). В *«Рассказе неизвестного человека»* (1893) Америка также упоминается как некое далекое место: «Зинаида Федоровна собиралась проводить его на вокзал, но он отговорил ее, сказавши, что *он уезжает не в Америку и не на пять лет*, а только всего на пять дней, даже меньше» (т. 8, с. 171; выделено мной. – В.А.). В книге Чехова *«Остров Сахалин»* (1891–1893) с Сахалином связана идея о крае и границе. Остров становится конечной точкой путешествия героя-повествователя и будто замыкает реальную географию, при этом Америка возникает как некий далекий призрак: «На этом берегу Найбучи слышно, как на постройке стучат топорами каторжные, *а на том берегу, далеко, воображаемом, Америка*» (т. 10, с. 210–211; выделено мной. – В.А.).

В-третьих, когда художник упоминает Америку и другие страны в своих произведениях, он обычно вводит мотив бегства, который сопровождается другими мотивами, такими, как одиночество, скука и неудовлетворенность жизнью. Персонажи произведений Чехова желают заполнить пустоту в своей жизни или изменить ее, пытаются убежать в другие страны мысленно или в реальности. Однако, когда они попадают в новое культурное пространство, то снова чувствуют себя неуютно. В рассказе *«Он и она»* (1882) Чехов описывает пару, путешествующую по Европе: *«Им уже надоела Европа, и они стали поговаривать о поездке в Америку и будут поговаривать до тех пор, пока их не убедят, что у нее не такой уж замечательный голос, чтобы стоило показывать его обоим полушариям»* (т. 1, с. 239; выделено мной. – В.А.). Часто образ Америки формируется только в мыслях персонажей на основе прочитанных книг, рассказов окружающих об этой стране, каких-то общих убеждений, стереотипов, циркулирующих в обществе. В рассказе *«Мальчики»* (1887) гимназисты Володя и Чечевицын готовят побег в Америку: *«Лишь бы в Америку попасть, а Калифорния не за горами. Добывать же себе пропитание можно охотой и грабежом. <...> Мальчики собирались бежать куда-то в Америку добывать золото; у них для дороги было уже всё готово: пистолет, два ножа, сухари, увеличительное стекло для добывания огня, компас и четыре рубля денег. Они узнали, что мальчикам придется пройти пешком несколько тысяч верст, а по дороге сражаться с тиграми и дикарями, потом добывать золото и слоновую кость, убивать врагов, поступать в морские разбойники, пить джин и в конце концов жениться на красавицах и обрабатывать плантации. Володя и Чечевицын говорили и в увлечении перебывали друг друга»* (т. 6, с. 427; выделено мной. – В.А.). Им не удалось уйти далеко: их вернули с Гостиного двора ближайшего населенного пункта, где они искали возможность приобретения пороха. «Бегство детей “в Америку в прозе русских писателей рассматриваемого периода становится реализацией потребности в героике, способом проверки себя. Путь в Америку оборачивается открытием сложного мира, полного противоречий, дорогой к познанию собственной страны» [Арустамова 2009: 80]. В рассказе *«На пуми»* (1886) два человека попадают в очень сильную метель и в конечном итоге остаются в одной гостинице. Они разговаривают всю ночь, а утром расходятся. Метель – главное, что происходит в произведении, но автора больше интересует разговор героев друг с другом. Один из попутчиков, Марья Михайловна Иловайская, рассказывает о своей повседневной жизни, в то время как другой – Григорий Петрович Лихарев – говорит так, будто

желает преподать собеседнику важный урок. Лихарев пытается показать, что он достаточно силен, чтобы справиться со всем, что преподносит ему жизнь, и что он знает все секреты мира: «А когда научился читать и понимать читанное, то пошла писать губерния! Я и в Америку бегал, и в разбойники уходил, и в монастырь просился, и мальчишек нанимал, чтоб они меня мучили за Христа. И заметьте, вера у меня была всегда деятельная, не мертвая. *Ежели я в Америку убежал*, то не один, а совращал с собой еще кого-нибудь, такого же дурака, как я, и рад был, когда мерз за заставой и когда меня пороли; ежели в разбойники уходил, то возвращался непременно с разбитой рожой. Беспокойнейшее детство, я вам доложу!» (т. 5, с. 469; выделено мной. – В.А.).

В-четвертых, Америка предстает как метафора другого мира с иными ценностями, чем у русского общества; в этом контексте в сознании героев нередко возникают две оппозиции – «русское/иностранное» и «Россия/заграница». Рассказ *«По-американски»* (1880) высмеивает рекламу, пропагандирующую тип отношений, популярный на Западе. При этом данное объявление оформлено в бюрократическом стиле: «Имея сильнейшее поползновение вступить в самый законнейший брак и памятуя, что никакой брак без особы пола женского не обходится, я имею честь, счастье и удовольствие покорнейше просить вдов и девиц обратить свое благосклонное внимание на нижеследующее...» (т. 1, с.51). Стиль, которым написана публикация с предложением познакомиться, представляет собой смесь смешного и фамильярного, иногда даже грубого. Тем самым персонаж, написавший данный текст, обнаруживает свой образ мышления и систему ценностей. У читателя создается впечатление, что автору объявления о знакомстве на самом деле не нужен партнер; скорее, он ищет того, кто мог бы убирать у него дома и готовить для него еду. Автор публикации отмечает, сколько лет должно быть женщине, которую он ищет, как именно она должна выглядеть, что она должна делать и чего не делать, и даже какое имя она должна носить: «Уметь: петь, плясать, читать, писать, варить, жарить, поджаривать, нежничать, печь (но не распекать), занимать мужу деньги, со вкусом одеваться на *собственные средства* (NB) и жить в абсолютном послушании. Не уметь: зудеть, шипеть, пищать, кричать, кусаться, скалить зубы, бить посуду и делать глазки друзьям дома» (т. 1, с. 52). В конце автор говорит, что наличие жены может помочь ему вернуть взятые займы деньги. Таким образом, Чехов не приветствует бездумное копирование других культур, так как считает, что важно проявлять индивидуальность и не следовать

типовым образцам и штампам. Он также не одобряет предубеждения в отношении различных культур, особенно если они основаны на незнании их особенностей. В своих произведениях Чехов не рассуждает об отличиях одной культуры от другой и не говорит о превосходстве той или иной культуры. Писатель использует этностереотипы, чтобы охарактеризовать мысли, идеи и ценности своих персонажей. В рассказе «**Анна на шее**» (1895) его сиятельство во фраке с двумя звездами обратился к Анне: «– Очень рад, очень рад... – начал он. – А я прикажу посадить вашего мужа на гауптвахту за то, что он до сих пор скрывал от нас такое сокровище. Я к вам с поручением от жены, – продолжал он, подавая ей руку. – Вы должны помочь нам... М-да... *Нужно назначить вам премию за красоту... как в Америке... М-да... Американцы... Моя жена ждет вас с нетерпением*» (т. 9, с. 170; выделено мной. – В.А.).

Наконец, есть произведения, в которых упоминание Америки или американцев не является самоцелью для автора, но помогает расширить художественное пространство. Например, в повести «**Скучная история**» (1889) много географических названий, которые не имеют никакого отношения к сюжету, а именно: Россия, Европа, Ялта, Варшава, Харьков, Уфа, Кавказ, Крым, Париж, Волга, Ревель, Бердичев и другие. Также упоминаются различные национальности в случайном порядке: «Все эти новости похожи одна на другую и сводятся к такому типу: *один француз* сделал открытие, другой – *немец* – уличил его, доказав, что *это открытие было сделано еще в 1870 году каким-то американцем*, а третий – тоже *немец* – перехитрил обоих, доказав им, что оба они опростоволосились, приняв под микроскопом шарики воздуха за темный пигмент» (т. 7, с. 295; выделено мной. – В.А.). Мы видим, что пространство, ограниченное для Николая Степановича Москвой, дачей под Москвой и Харьковом, в записках профессора значительно расширяется и охватывает почти весь мир так же, как период, ограниченный 3–4 месяцами записей и одной человеческой жизнью (по воспоминаниям ученого), охватывает всю историю человечества.

Итак, мы можем сделать вывод об особенностях художественного мышления Чехова. Образ Америки представлен сквозь призму восприятия героя, и географический контекст другой страны писатель описывает только общими чертами. Фактически сама страна не имеет особого значения: существует множество точек зрения на ее культуру и обычаи. Этностереотипный образ Америки не является главной целью Чехова, однако он необходим для понимания особенностей сознания воспринимающего персонажа.

Примечание

¹Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983. Далее цит. это издание с указанием в круглых скобках номера тома и страницы.

Список литературы

Арустамова А. А. Америка в детской литературе конца XIX в. в России // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2009. №4. С. 76–80.

Арустамова А. А., Кондаков Б. В. Константа «Америка» в русской литературе XIX века // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 5 (11). С. 111–120.

Буглак Т. О. Французы и Франция в творчестве А.П. Чехова: основные лейтмотивы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 400–403.

Желтова Н. Ю. «Русское» и «Английское» в рассказе А.П. Чехова «Дочь Альбиона» // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. 2011. № 12. С. 310–312.

Крюкова О. С. Немцы и «немецкое» в раннем творчестве А.П. Чехова // А.П. Чехов и мировая культура: к 150-летию со дня рождения писателя. Сб. материалов Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 1 – 4 октября 2009 года. Ростов-н/Д: НМЦ «ЛЮГОС». 2009. С. 89–94.

Кубасов А. В. Рассказ А.П. Чехова «Мальчики» и творчество писателя как гипертекст // Филологический класс. 2005. №1 (13). С. 33–35.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983.

Abramova V. S. Ethnic stereotypes and the role they play in representation of foreigners in Chekhov's prose // Tomsk State University Journal of Philology. 2018. №. 53. pp. 127–142.

Zhdanov S. S. A German as a Character of the Way (Based on Anton Chekhov's Novella The Duel) // Tomsk State University Journal of Philology. 2021. № 72. pp. 232–247.

AMERICA IN A.P. CHEKHOV'S CREATIVE MIND

Viktoriiia S. Abramova

Candidate of Philology, Associate Professor in the English Language and Intercultural Communication Department

Perm State University

15, Bukirev str., Perm, Russia, 614990

abramovavictoria@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8535-2827>

Submitted 16.05.2023

This paper focuses on American motifs and imagery, which form a single conceptsphere in the artistic world of Chekhov's prose. The absence of practical experience in knowing America, as well as the enrichment of the Russian world described in the texts with American references, are explored in the context of the writer's world modeling. The primary types of American representation are noted. A comparison of the settings, in which A. P. Chekhov's short stories reference America, exposes not only the consciousness of the perceiving character, but also helps to demonstrate the author's non-judgmental attitude toward ethnic stereotypes.

Key words: A.P. Chekhov's prose, ethnostereotype, opposition "Russian/foreign", opposition "Russia / foreign countries", America.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Абрамова В.С. Америка в творческом сознании А.П. Чехова // *Мировая литература в контексте культуры*. 2023. № 16 (22). С. 55–62. doi 10.17072/2304-909X-2023-16-55-62

Please cite this article in English as:

Abramova V.S. Amerika v tvorcheskom soznanii A.P. Chekhova [America in A.P. Chekhov's Creative Mind]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2023, issue 16 (22), pp. 55–62. Doi 10.17072/2304-909X-2023-16-55-62